

Е. КОНОНЕНКО

1840 бр

Отомсти немицу

60 коп.

V.N. Karazin Kharkiv National University

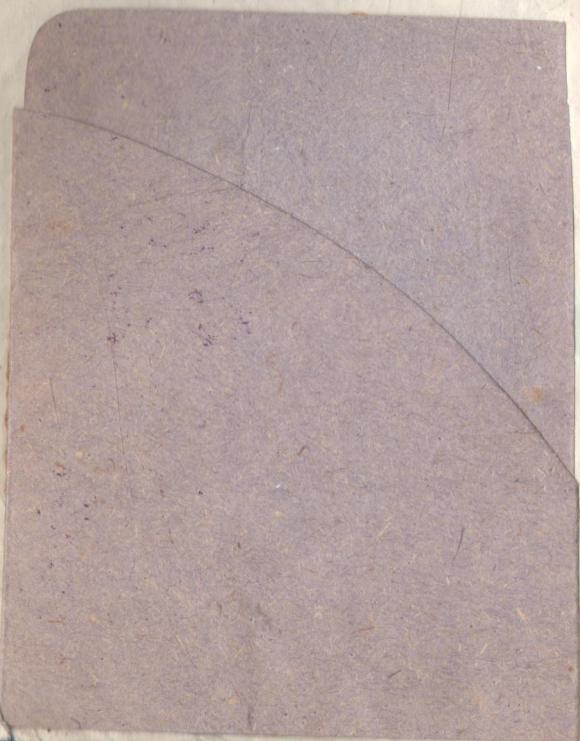

Огиз • Госполитиздат • 1943

EXHIBITION 2

32B51

400/04

Е. КОНОНЕНКО

Оттомани немицу

ОГИЗ
ГОСПОЛИТИЗДАТ
1943

Гус

НА ФАШИСТСКОЙ КАТОРГЕ

тынет сердце, когда представишь себе нашего советского ребёнка или подростка в немецкой неволе.

Жил ребёнок в родном городе или в родной деревне, рос, учился, мечтал вслух:

— Мама, я вырасту большой и буду лётчиком! А может, агрономом мне быть, мама, или трактористом, как ты думаешь? А учителем я могу быть, мама?

— Можешь, сынок. Кем захочешь — тем и будешь. Учись только, старайся, — ласково отвечала мать, поглядывая с улыбкой на мальчугана, который читал книжку или мастерил модель самолёта.

Да, он читал книжки и мастерил модели самолётов, он весело бегал на коньках и

ходил в кино смотреть новую картину. Тепло ему жилось под крылом любящей матери, под крылом советской родины, для которой дети — самое дорогое...

А теперь представьте его рабом. Жалким, бесправным рабом. Немецкие фашисты оторвали его от семьи, сломали все его светлые мечты и угнали его, увезли к себе в Германию на каторгу. И живёт он там сиротой, без отца, без матери, голодает, мучается, тоскует. Немцы бьют его, издеваются над ним, заставляют его гнуть спину на барщине. Он — раб.

Каково нашему советскому ребёнку, который родился свободным и знал, что перед ним открыты все дороги в жизни, каково ему быть подневольным рабом, за немецкими барынями помой выносить, из одной площадки с овчаркой есть!

Места себе не находит он от нестерпимой обиды. Уткнётся ночью в лохмотья и плачет, зовёт шопотом мать... А матери нет. Краснорожий немец, фашистский надсмотрщик, слышав стоны ребёнка, хлестнёт его плёткой по спине, по лицу, по глазам и крикнет:

— Молчать, рус!

А чуть свет — снова на непосильную работу. Болят руки, ноги, зеленеет в глазах... И ещё сильнее болит обиженное детское сердце.

БОЕЦ, СПАСИ МЕНЯ ОТ РАВСТВА!

О плаката В. Корецкого

Из Норвегии сообщают, что немцы привезли из оккупированных советских районов мальчиков-подростков, в том числе и восьмилетних малышей, и заставили их выполнять самые тяжёлые, самые изнурительные и грязные работы. Подумать только — восьмилетних малышей силком увезли на чужбину в рабство!

Германскому солдату Карлу Бишофу писала его сестра из города Крумбах (Баден):

«Уже десять дней, как у нас находятся 30 русских в возрасте от 15 лет. Они носят рваную одежду и деревянные башмаки. Каждому из них на спину пришили особые знаки. Эти парни худы и изнурены, от них остались только кожа да кости. Они так ослабли, что совсем не могут работать. Один часовой мне рассказывал, что в лагере этих пленных кормят только негодным клевером...»

Худые, измученные, голодные, с клеймом на спинах... Рабы. Что их ждёт в жизни? Несчастье, страдание, унижение. Гнуть спину на немца — вот теперь их удел. А для них, свободных и гордых от рождения, — это хуже холода, голода, хуже всех лишений.

Многие дети и подростки не выдерживают этой страшной фашистской неволи и умирают. Вот что пишет германскому солдату Теске его приятельница из города Гульца:

«Опять похоронили двух русских. Теперь их здесь на кладбище лежит много. А ещё двое при смерти. Их всех надо убить!»

Они хотят убить всю нашу молодую поросль, всех наших детей... Вот какие у них желания!

Когда подумаешь о том, что такая участь может постигнуть и твоего родного сына или родную дочку, которых ты выносила, выкормила, выходила, хочется крикнуть во весь голос:

— Нет! Это невозможно!

Но ведь именно такая страшная судьба ждёт наших родных детей там, где хозяйничают немецко-фашистские разбойники.

«Семь дней нас, как скотину, везли в запертых товарных вагонах через Украину, Польшу, — рассказывает киевлянка С., бежавшая с гитлеровской каторги. — Наконец, поезд остановился на станции, и конвоиры загнали нас всех во двор кирпичного завода, обнесённого стеной высотой в два метра. Сверху немцы натянули колючую проволоку. В тот же день наш двор превратился в рынок рабов, где торговали живыми русскими душами. Сюда ежедневно приезжали хозяева заводов, фабрик, имений. Они цинично осматривали нас, как мясник осматривает скот. Две недели гитлеровские работоторговцы рас-

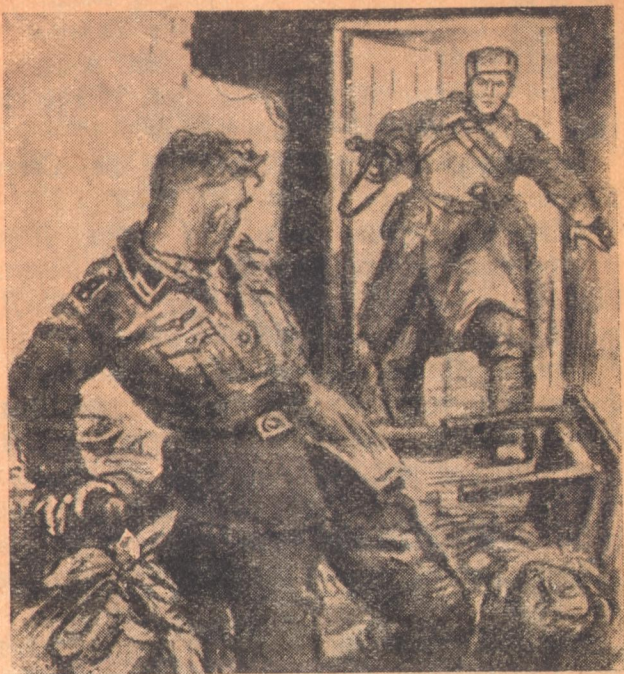
продавали нас кулакам и помещикам. Все эти дни нам выдавали по 150 граммов хлеба да баланду, сваренную из кочерыжек капусты. Ослушников били до потери сознания палками. Уже через две недели 61 человек, в том числе и я, заболели. Десять больных вскоре умерли. Мне с большим трудом удалось бежать с фашистской каторги...»

Она бежала. А многим бежать не удалось. Они остались, обречённые на позор, на гибель. И девушки и девочки...

Немецко-фашистские развратники оплёвывают их души и тела, калечат их на всю жизнь. Пьяные немецкие кулаки, фермеры, помещики насилуют девочек-подростков, отдают их в любовницы своим холоумам, заражают их сифилисом.

А сколько домов терпимости открыли гитлеровцы! В этих домах унижения и смерти томятся не только девушки, но и малолетние школьницы.

Жила советская девушка-подросток Варенька. Училась в десятилетке. Пела в хоре. Были у неё родители, подруги, были свои девичьи радости. А теперь она — рабыня под номером. И может эту рабыню обесчестить любой гнилой немец-фашист, и может ей плюнуть в лицо любая немка... Это страшнее смерти!

УБЕЙ УБИЙЦУ!
С рисунка В. Щеглова

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВРАГ ТВОЕГО РЕБЁНКА

аши дети всем сердцем ненавидят фашистов. Они пишут бойцам на фронт страстные письма и просят защитить их от немцев. Мы не хотим быть рабами! — пишут дети.

Вот письмо Гали Хабаровой из Свердловска:

«Папочка, прошу тебя, бей гадов. Папа, я здорова. Папочка, бей фашистов поскорее: фашисты — пауки, они мучают людей. Дорогой папочка, всем ребятам хочется, чтобы Красная Армия поскорее расправилась с фашистами, тогда мы будем жить попрежнему. Папа, бей их каждую минуту изо всех сил, а то они нас возьмут в рабство. Я слышала по радио про то, что они делают. Папочка, я не хочу быть немецким рабом, на них работать, и чтобы они кричали на меня, как на собаку...»

Когда наши воинские части выгнали немцев из деревни Барсуки, Смоленской области, ребятишки снова стали заниматься в школе. Первая их классная работа по русскому языку была посвящена теме «Кто такие немцы?» Дети написали о том, что пришлось им пережить. Яснее не скажешь, чем сказали

они. Вот несколько их рассказов, написанных в школьных тетрадах:

Из-за них умерла Раечка

Мы жили в совхозе. Когда немцы стали отступать, они подожгли совхоз. Когда всё загорелось, мы спрятались в погребе. Вместе со мной в погребе сидела моя сестричка Рая. Она тогда простудилась. Она всё время просила пить. Воды у нас не было. Мы положили в чайник снегу и стали греть его на лучинках. Этой водой мы поили Раечку. Ей становилось всё хуже. На завтра она умерла.

Если бы не было немцев, Раечка была бы жива.

Витя Мишин.

Ещё:

Они убили папу

Я пилил у бабушки дрова. Вдруг прибежал брат Коля, кричит: «Пойдём скорее, немцы папаню забрали». Их штаб помещался в двухэтажном доме. Мы с Колей побежали туда и возле дома, у колодца, увидели папу. Около него стояли два немецких солдата с винтовками. Папа, как увидел меня, захотел что-то крикнуть, но солдат ударил его по зубам... Папе велели снять сапоги. Потом

его поставили лицом к стенке. Один солдат отошёл на несколько шагов назад, поднял винтовку и три раза выстрелил папе в затылок. Папа валялся на земле, и нам не разрешили забрать его, чтобы похоронить. Немцы — звери. Они сделали меня сиротой.

Володя Комолов.

А вот что написала маленькая Нина Гудкова:

«Немцы жгли дома и выгоняли нас на улицу. А кто не хотел идти, тех били прикладами. У меня немцы забрали шубку и валенки. Мою бабушку тоже раздели и разули. Она кричала, ей было холодно. И она померла».

Томятся и мучаются наши дети в захваченных немцами городах и сёлах. С первых месяцев своей жизни на родимой советской земле наши ребята привыкли встречать любовь, ласку, а теперь, живя под немецким сапогом, они встречают только издевательства.

Невыносимо дышать им одним воздухом с немцами, и чуждо их сердцу всё то, что стараются внушить им гитлеровские разбойники.

Мы с малолетства учим наших детей трудолюбию, честности, скромности, чуткости. А немец учит детей жестокости и подлости. Он развращает детскую душу.

Гитлер так и сказал:

«Я освобождаю человека от совести. Совесть калечит человека».

«Я хочу, чтобы молодёжь была грубой, властной и жестокой, чтобы из её глаз смотрел дикий зверь».

Немецкие фашисты с малолетства вдальбливают это своим детёнышам, заставляют их носить значки, изображающие череп и кости, учат их жестокости. Они разлагают, растлевают детей, превращают их в громил и убийц.

Послушайте, какую песню распевают дети в Германии. Это их любимая песня:

Если весь мир будет лежать в развалинах,
К чорту, нам на это наплевать!

Удивительно ли после всего этого, что в гитлеровской Германии выросло целое поколение хищников, прохвостов, лишённых всяких человеческих чувств. Эти фашистские мерзавцы, жестокие, жадные, лживые, хладнокровно насилуют девушек, убивают детей и стариков, мучают раненых, спокойно идут на любую подлость и злодейство.

На нашей советской родине дети разных национальностей — русские, украинцы, киргизы, узбеки, грузины, туркмены, белорусы, евреи, татары — все, все живут, как од-

на большая семья. И у каждого равные права на жизнь, на труд, на образование. А в оккупированных районах немецкие фашисты говорят нашим советским детям:

— Вы не люди, вы вьючные животные, вы должны быть рабами!

Гитлеровцы твердят хвастливо:

— Выше всех — немцы! Вы все должны обслуживать немцев.

Наши дети живут, как братья. В одной школе, за одними партами сидят и дети колхозников, и дети рабочих, и дети профессоров и генералов. Для всех — равные права и обязанности. Для всех в будущем открыты двери вузов, университетов. А немец хватает за шиворот маленькую дочку рыбака, или шахтёра, или уборщицы и кричит:

— Пошла вон! Тебе здесь не место...

Как всё это чуждо, мучительно, невыносимо нашим детям.

Для всех ребят наших широко открыты двери детских библиотек, клубов, технических станций, музыкальных студий, детских театров, стадионов (немало всего этого построили мы для своей детворы!). А немец говорит:

— Русским детям незачем быть образованными. Русские должны работать на немцев. Русские дети — наши батраки.

Фронтовик Илья Шульгин, бывший учитель 474-й московской школы, рассказывает, как он и другие бойцы отбили у врага одну нашу деревню. Воину-педагогу интересно было побеседовать с ребятишками, узнать, каково им жилось под немцем. Не пришлось товарищу Шульгину искать детей. Ребятишки сами высыпали из домов, окружали красноармейцев, обнимали, целовали, благодарили их за освобождение. Потом они повели Шульгина к развалинам разрушенной немецкими злодеями школы и со слезами на глазах стали жаловаться:

— Немцы сожгли нашу школу!

— Немцы кричали: «Рус не надо школ, рус будет только работать...»

Кое-где гитлеровцы, правда, открыли свои «школы». Вот, например, в деревне Комарово, Лядского района, Ленинградской области. Но что это за школа! Тюрьма, а не школа. Пришёл фашистский «учитель» и роздал детям книжки с картинками, изображающими Гитлера. Противно и обидно было нашим ребятишкам смотреть на ненавистную звериную морду преступника и детоубийцы. А ещё обидней стало, когда фашист заставил повторять вслед за ним слова, восхваляющие немцев и унижающие советских людей.

Детям хотелось плакать от горечи, уни-

жения, хотелось швырнуть эти книжки, хотелось крикнуть этому лгуну:

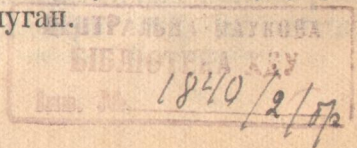
— Убирайся вон! Мы не хотим повторять гнусные, лживые слова. Мы любим родную землю. Мы любим советскую власть. Мы любим Красную Армию.

Потом пришёл в класс немецкий солдат с винтовкой и погнал ребят за шесть километров от деревни на болото. Там немцы прокладывали дорогу. Детишек запрягли по четверо в тачки и приказали возить камни. Камни были тяжёлые, болото топкое. Одна маленькая девочка выбилась из сил и упала в своей запряжке. Подошёл солдат и ударил её сапогом в бок. Девочка хотела подняться и снова упала в грязь. Немец схватил её за шиворот, как котёнка, и бросил в болото. Ещё несколько детей упали в изнеможении. Солдат бил их палками.

Школьник Коля не мог стерпеть всех этих издевательств и на утро, чтобы досадить фашисту-учителю, вклеил в книжку карикатуру на Гитлера и подписал: «Гитлеру смерть».

Коля знал, что немцы расправятся с ним за это, но уж очень накипело, наболело у него на душе.

«Пусть я погибну, но не буду рабом», — решил мальчуган.

Немцы казнили Колю. Избили в кровь, а потом повели к виселице. Палачи поставили табуретку и приказали ребёнку встать на неё. Коля встал. Хотел что-то сказать, может быть, попрощаться с родной деревней, со школьными друзьями, которых фашисты пригнали смотреть казнь, и ничего не сказал — кровь хлынула из разбитого рта. Палачи стали выворачивать мальчику руки. Потом подняли его за волосы к петле, вырвали из-под ног табуретку...

Как тяжело об этом, товарищи, писать. Тяжко читать это, слушать... А каково родной матери этого мальчика, каково родному отцу!

Евдокия Никитична Курицына, колхозница сельхозартели имени Будённого, Клинского района, Московской области, рассказывает, сколько тяжёлого пришлось пережить матерям, пока жили под немецким игом. На её глазах фашистский душегуб проколол штыком глаза и грудь семилетнему Пете. За что? За то, что малыш играя залез под германскую машину.

В посёлке Белые Берега, Брянского района, немецкие офицеры привязали к большому дереву двух трёхлетних малышей и по ним, по живым ребятам, как по мишеням, пристреливали автоматы. Два окровавленных, из-

МСТИ, ВОИН-ОСВОБОДИТЕЛЬ!

С плаката Д. Шмаринова

решеченных пулями детских тельца распла-
стались на стволе старого дерева. Свесились
мёртвые головки...

А этих за что? Да ни за что, ни про что. За
то, что они советские дети, не немцы, не арий-
цы. Гитлер и его банда задались подлой, бе-
зумной целью истребить людей, не принадле-
жащих к их расе.

Гитлер приказал своим холоум разрабо-
тать «способы сокращения чуждого немцам
населения». А кто для немцев чуждые? Чуждые
для них — это мы. Чуждые для них — все,
кроме немцев. И гитлеровские злодеи, чтобы
заслужить похвалу своего хозяина, изощряют-
ся в истреблении наших детей. Они бросают
грудных младенцев в печи, в колодцы, сажают
на штыки, травят, как мышей.

Перебежчик чех Карл Гардина рассказы-
вает о немецко-фашистских зверствах в Двин-
ске: «Детям немцы впрыскивали под кожу яд,
Чтоб меньше патронов тратить».

В городе Шклове изверги закопали живы-
ми несколько сот детей. Долго шевелилась
земля над ними. Вы понимаете, товарищи, ше-
велилась земля! Под этой землёй за-
дыхались и умирали наши родные советские
ребятишки.

В селе Хвастовичи, Орловской области,
гитлеровцы для умерщвления советских лю-

дей приспособили салотопку, где раньше вытапливали сало из туш скота. И вот бросили в этот котёл девочку Морозову, девочку Соловьёву. Закрыли железной плитой, а снизу разожгли огонь...

Какие только пытки не придумывает бешеный фашистский мозг! И кого пытаются! Детей пытаются.

В селе Орехове, на Дону, немцы схватили двенадцатилетнюю дочку шахтёра Надю, допрашивали, где скрываются партизаны. Девочка молчала. Гитлеровский офицер достал из кармана маленький железный раздвижной обруч, примерил его на девочкиной головке и смеясь протянул солдатам. Солдаты накалили железный обруч на костре. Офицер щипцами поднёс огненный обруч к Надиной головке, одел и сжал, крепко сжал...

В хуторе Аверинском, Ляпичевского сельсовета, Калачевского района, Сталинградской области, гитлеровцы зверски казнили десять советских мальчиков.

Это случилось в ноябре 1942 г. У немецкого офицера пропала пачка сигарет. Подозрение пало на детей. Кто-то из немцев видел будто бы, что мальчуганы баловались, пробуя сигаретку. Немцы предприняли охоту на мальчиков хутора. Сигаретки, конечно, были

только предлогом. Немецко-фашистские мерзавцы знают, как дороги для советского человека дети, и решили ударить жителей хутора Аверинского в самое чувствительное место. Ударить и запугать...

Немецкие солдаты врываются в избы, силой забирали мальчиков и тут же на глазах матерей избивали палками, нагайками, резиной и просто ногами. Фашисты повели мальчиков по улице и на глазах всех жителей истязали их, рвали, как бешеные цепные псы. Детский плач нёсся по хутору. Насладившись страданиями детей, изверги втолкнули их в большую крытую автомашину.

Три дня немцы держали маленьких пленников в этой машине, морили их голодом и холодом, по нескольку раз в день избивали в кровь. 7 ноября 1942 г., когда вся наша страна праздновала 25-ю годовщину Великой Октябрьской революции, фашистский комендант согнал население хутора Аверинский на площадь... Переводчик объявил, что сейчас здесь будут расстреляны мальчики.

— Родным разрешается сейчас о них поплакать, — милостиво добавил негодяй.

Затравленные люди угрюмо смотрели на немцев. Кто-то вскрикнул. В чьих-то глазах блеснул гнев. Комендант объявил через переводчика, что если найдутся родители,

ТАМ, ГДЕ СТУПИЛА НОГА ФАШИСТСКОГО ЗВЕРЯ.

С плаката В. Корецкого

которыми немцы будут недовольны, то всех жителей ждёт казнь, а хутор будет спалён.

Люди замерли, всё ещё не веря тому, что сейчас произойдёт. Послышался шум машин. Это подъехали к площади немецкие офицеры из других гарнизонов. Они приехали полюбоваться на казнь мальчиков. Они улыбались, потирая руки, и оживлённо готовили фотоаппараты.

И вот на площадь въехала большая крытая машина, в которой лежали избитые дети. Машина остановилась, и мальчиков стали выводить. Они едва держались на ногах. Их лица были покрыты синяками и кровавыми ссадинами.

Вот акт, подписанный капитаном Хатовым, уполномоченным Ляпичевского сельсовета Силкиным, отцом двух расстрелянных мальчиков Тимониным и другими местными жителями.

«Днём в 25-ю годовщину Октябрьской революции начали измученных после пыток детей выводить связанными по пять человек на расстрел к силосной яме, где и расстреливали под смех и шум собравшихся вокруг детей пьяных немцев. Таким путём были расстреляны следующие:

1. Махин Ваня — 11 л.
2. Егоров Вася — 14 л.

ПРОКЛЯТИЕ И СМЕРТЬ ФАШИСТСКИМ СКОТАМ!

С рисунка В. Щеглова

3. Горин Коля — 12 л.
4. Тимошин Тимоша — 12 л.
5. Тимошин Аксён — 14 л.
6. Егоров Коля — 12 л.
7. Манжин Сеня — 9 л.
8. Назаркин Никифор — 12 л.
9. Головлёв Костя — 14 л.
10. Сафонов Емельян — 12 л.

Во время расстрела мальчик Головлёв Костя крикнул немцам: «Ну, и стреляйте, гады, всё равно отец и родная Красная Армия вам отомстят за нас и за всё!» Руководили расправой над детьми комендант обер-лейтенант Фридрих Гук и унтер-офицер переводчик Асмус. В чём и составлен настоящий акт».

Десять окровавленных детских тел бились в предсмертных судорогах... А немецкие офицеры хохотали. Палачи в зелёных мундирах потирали руки.

Ужас и злоба подкатывают к сердцу. Злоба к проклятым немцам, убийцам, мерзавцам, которые обагрят руки в крови детей. Как хищные звери, крадутся они к нашим родным птенцам. Ползут, как удавы. Мы должны, мы обязаны раздавить эту гадину, пожирающую наших детей.

ЗА СЧАСТЬЕ НАШИХ ДЕТЕЙ

Советской стране дети росли счастливыми. Всё лучшее Советское государство отдавало и отдаёт детям. Этому учил Ленин. Этому учит Сталин.

— Дети — цветы жизни! — говорим мы.

— Дети — наша гордость, наша радость, наше будущее! — говорим мы.

Спокойно жили наши дорогие малыши, наши подростки.

Мы знаем, какие они были весёлые, радостные.

Ворвался немец и занёс топор над детской головой.

Кто отнимает у наших ребят покой, свободу, счастье, жизнь? Немец.

Кто хочет сделать наших детей рабами? Немец.

Кто унижает наших ребят? Кто мучает их? Кто угоняет их в Германию на каторгу? Немец.

Сегодня он это сделал с детьми твоего земляка. Завтра он это может сделать с твоим ребёнком, если мы не помешаем ему.

Мы должны помешать. Мы должны истребить, уничтожить кровавых немецких фашистов.

Хочется сказать каждому советскому человеку — и тому, кто сражается на фронте, и тому, кто работает в тылу:

— Товарищ! Останови топор, занесённый над головой твоего ребёнка. Мсти фашистам. Мсти за каждую каплю детской крови, за каждую ссадину на маленьком теле.

Где бы ты ни был — на заводе, в шахте, в колхозе, везде и всюду помни: дети, счастье которых затоптано немецкими сапожищами, заплёвано, загажено немецкими злодеями, ждут тебя как спасителя. Они протягивают к тебе руки. Они зовут тебя. Спаси детей! Они не хотят быть рабами. Бей насмерть работорговцев и детоубийц в германских мундирах! Бей огнём и трудом! Не для того мы растили своих детей, чтобы немецкие мясники пробовали свои ножи на их телах! Не для того мы берегли и лелеяли своих детей, чтобы погибали они в фашистской неволе!

Дети — самое дорогое для нас. Разве не жили многие из нас до советской власти в нищете, темноте, в грязи? Жили. Разве не были многие из нас батраками, подневольными работниками? Были. А для детей мы завоевали другую жизнь. Мы хотели, чтобы жили они по-человечески, чтобы получили образование и выбрали себе путь в жизни, который им по сердцу.

МЫ ВАС ТАК ЖДАЛИ!
С рисунка В. Щеглова

И как мы радовались, когда наши ребята выросли оперились и стали настоящими людьми. Иди на любой завод, на любую шахту, на прииск, в любую деревню, самую отдалённую, спроси, и тебе скажут люди:

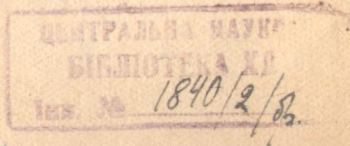
— У меня сын — мастер, у меня сын — инженер. У меня дочка — доктор. У меня внук — лейтенант. Дети вышли в люди. Это сделала советская власть.

За детей, за ребят наших дорогих, на октябрьских баррикадах умирали лучшие сыны народа. За них дрались в годы гражданской войны. За их свободу, за их счастье. За то, чтобы росли они хозяевами своей судьбы.

За них и сейчас дерёмся и будем драться до тех пор, пока не сотрём с лица земли фашистскую нечисть.

СОДЕРЖАНИЕ

НА ФАШИСТСКОЙ КАТОРГЕ	3
СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВРАГ ТВОЕГО РЕБЁНКА	10
ЗА СЧАСТЬЕ НАШИХ ДЕТЕЙ	27

Редактор М. Гильзулин
Художник книги Н. Седельников

Подписано к печати 18 сентября 1943 года. А1647.
Заказ № 5213. Тираж 25 000 экз. Цена 60 коп.
1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста
«Полиграфгиз». Москва, Валовая, 28.

1869

THE UNIVERSITY OF CHICAGO